

**ЗНАНИЕ О ПОЛИТИКЕ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ
НАРОДНОЙ ПСИХОЛОГИИ,
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ
(Об идее политической концептологии В.П. Макаренко)**

С.Г. Чукин

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова
институт войск национальной гвардии РФ*

Аннотация: В статье рассматривается идея политической концептологии, предложенная В.П. Макаренко и реализованная им применительно к актуальным политическим проблемам. Автор считает её ответом на вопрос о том, каким может быть знание о политике, преодолевающее разрыв между нормативным и описательным познанием политических феноменов. В качестве формы политического знания концептология представляет собой синтез обыденных взглядов на политику, политической философии и политической науки. Она существенно ослабляет ограничения на язык и стиль, допускает оценочные суждения, смешение научности и публицистичности, использование художественных образов, что позволяет максимально индивидуализировать рассматриваемые объекты. Содержательная гибкость концептов, как их понимает и использует В.П. Макаренко, делает их ценным методологическим инструментом в социальном познании.

Ключевые слова: В.П. Макаренко, концепт, политическая концептология, аналитическая философия, ассамбляж, М. Де Ланда.

В начале несколько общих суждений относительно знания вообще и способов его получения.

Знание в самом простом его понимании – это осведомленность человека об объекте, представляющем для него интерес. Оно включает ответы на вопросы:

1. Что это?
2. Почему это?
3. Для чего (зачем) это?

Первый ответ содержит информацию описательного характера, фиксирующую доступные сенсорному опыту количественные и качественные параметры объекта, по которым можно судить о его возможном использовании для практических целей. Ответ на второй во-

прос позволяет узнать причину появления этого объекта, факторы и обстоятельства, причастные к этому, что может быть использовано для прогноза. Что же касается третьего вопроса и ответа на него, то он предполагает наличие цели или намерения, а таковые можно приписать только живой природе и человеческим действиям. Требования, которые люди предъявляют к знаниям об окружающем их природном и социально-культурном мире, прежде всего касаются их способности не просто объяснять происходящее в этих мирах, но помогать улучшать собственную жизнь людей, делать её комфортной и безопасной, соответствующей их представлениям о достойной (хорошей) жизни.

Большую часть своей истории человек приобретал знания опытным путем, методом проб и ошибок, руководствуясь, в качестве критерия, их практической пригодностью, достаточностью для решения основных жизненных задач. Это эволюционный процесс, помогающий отбирать, закреплять и наследовать только те практики, которые доказали свое адаптивное преимущество. Это относится и к знаниям о том, как правильно устраивать совместную жизнь. Вряд ли наши далекие предки знали такие слова, как социальное конструирование или проектирование, когда объединялись в сообщества. Они руководствовались здравым смыслом, который опирался на простые и очевидные требования, а именно:

1. Совместная жизнь невозможна без общих правил.
2. Индивид должен получать от неё больше, чем вложил.
3. Она невозможна без наличия координирующих и управляющих инстанций.
4. Она должна быть справедливой.

С течением времени каждая социальная группа вырабатывает оптимальные для своего существования структуры, обеспечивающие удовлетворение указанных требований. Их ценность подтверждалась способностью сообщества решать текущие проблемы и отвечать на форс-мажорные вызовы. То есть, знание о том, каким должно быть общественное устройство приобреталось эмпирически, было нормативным и положительным одновременно. Оно позволяло диагностировать сбои в работе общественного механизма и находить решения, направленные на их устранение.

Резонен вопрос: какие проблемы общественной жизни, совместного существования людей нельзя решить с помощью здравого смысла, который иногда называют «народной психологией»? Когда последняя оказывается бессильной? Видимо тогда, когда эти проблемы, по своей сложности, превышают её возможности, то есть, их источник недоступен для когнитивного оборудования, которым располагает обыденный рассудок. Речь идет о скрытых от непосредственного восприятия причинах, от которых зависит положение дел «на поверхности» жизни. В природе такими причинами являются общие законы, составляющие ядро теоретических обобщений, и резонно было бы полагать, что и человеческая жизнь также подчинена таким универсальным правилам. Однако относительно природы мы не можем выдвигать претензии в том, что она не такая, какая должна быть. Она такая, какая есть, и не может быть другой. Что же касается общественной жизни, то она может быть разной, в том числе, она может быть хорошей и плохой, правильной и неправильной. Проблема состоит в том, что сама постановка вопроса о правильной и неправильной (хорошей и плохой) общественной жизни имеет смысл только тогда, когда люди знают, как должна выглядеть эта правильная (хорошая) жизнь. Тогда они сознают, что их реальная жизнь является неправильной (плохой), и хотят знать, почему это так, и что нужно сделать для того, чтобы привести реальную жизнь в соответствие с должной. От знания они требуют, во-первых, чтобы оно содержало объяснение причин плохой жизни, и, во-вторых, показало пути её практического улучшения. Как говорил Сенека, для тех, кто не знает, куда плыть, ни один ветер не будет попутным. Это вполне разумные требования, подобные тем, какие предъявляются к знаниям о природе.

В идеальном виде социальное знание включает в себя:

1. Знание о том, какой должна быть правильно устроенная (хорошая) жизнь.

2. Знание о том, как обстоят дела на самом деле, то есть, какова реальная жизнь, и почему она такая.

3. Заключение в виде утверждения, что нужно сделать для того, чтобы привести жизнь к её должному состоянию.

Здравомыслящего человека вряд ли устроят сетования социальных теоретиков о том, что они не могут ответить на вопрос, как нужно жить, чтобы эта жизнь была правильной, поскольку это не входит в задачи науки. Точно так же он относится и к философским проектам правильной жизни, не подкрепленным указанием способов, которыми их можно было бы претворить на практике. Он не согласен с тем, что жизнь, которой он живет, такая потому, что этому есть обоснованные причины, и она, в силу этих причин, не могла быть другой.

Камнем преткновения, мешающим получить «идеальное» социальное знание с помощью науки, являются ценности, которые относятся к сфере должного, а не сущего, а потому не являются фактами, с которыми только и имеет дело наука. Философия же рассматривает социальные и политические институты с точки зрения их причастности к реализации базовых человеческих ценностей. Парадоксальность ситуации заключается в том, что люди ожидают от знаний не описаний, объяснений и предсказаний как таковых, а указаний, как эти знания помогают улучшить их жизнь. То есть, они хотят объяснение сущего с точки зрения должного, выяснение того, что в существующей реальности не так, почему не так, и что нужно сделать, чтобы привести её в соответствие с должным.

Научный метод позволяет описать положение дел, зафиксировать количественные и качественные характеристики происходящего. Стандартное научное описание включает в себя выбор и обозначение объекта, которые осуществляются с определенной точки зрения, обусловленной ценностными установками исследователя. Объяснение человеческих действий как обобщенного объекта социальной науки отчасти доступно научному методу, поскольку последний предполагает, что люди являются рациональными существами, а структура их действия включает в себя цели, которые они ставят перед собой, и средства, которыми они этих целей достигают. Наука может помочь исследователю подобрать оптимальные средства для достижения цели. Она также в состоянии прояснить перспективы цели с точки зрения её уместности в данных условиях. Наука может показать, что получится в результате достижения этой цели, то есть, какие следствия это будет иметь для действующего человека и его окружения. Также наука в состоянии просчитать издержки, с которыми связано достижение цели, то есть, какой ценой это достигается. Иными словами, наука может рассчитать человеческое действие, его средства, побочные эффекты, даже может указать альтернативы, однако только от действующего человека зависит, осуществлять это действие или нет. Здесь она уже не в состоянии помочь. Субъект, принимая решение на действие, руководствуется имеющимися у него представлениями о благе, к которому, как говорил Аристотель, все стремится. Человек должен хотеть того, на что направлено его действие, оно должно иметь значение для него, быть ценностью. Без экспликации этих его желаний и намерений, невозможно понимание действия, а это возможно с привлечением интенционального подхода.

Из сказанного следует, что знание о социальных феноменах должно быть информативным и оценочным одновременно. Его возможность демонстрирует здравый смысл, который задолго до появления науки и философии был основным средством получения знаний о природном и социальном мире. Основываясь на опыте, действуя методом проб и ошибок, люди получали необходимые и достаточные знания для решения текущих и внезапно возникающих проблем. В том числе они приобретали знания, помогающие организовывать совместную жизнь, изобретать требующиеся для этого нормы и институты. В таком знании нет разделения проблем на технические и нормативные, они решаются способами, которые выработаны в течение времени и приобрели статус традиционных. Макс Вебер в этой связи писал о том, что в повседневной жизни люди научаются избегать нормативных конфликтов, не замечать их. Он имел в виду выравнивание, «... которое производит «повседневность» в самом

прямом смысле этого слова, и заключается в том, что в обыденной жизни человек не сознает смешения глубоко враждебных друг другу ценностей, которое вызвано отчасти психологическими, отчасти прагматическими причинами» [Вебер 1990: 565]. Роль такого «выравнивания» хорошо видна в небольших локальных сообществах, научившихся решать проблемы совместной жизни, как текущие, так и неожиданные, с помощью здравого смысла и метода проб и ошибок. Действительные проблемы в них появляются тогда, когда к ним приходят социальные теоретики, и внушают им, что они живут не так, как нужно.

Социальная наука, являющаяся расширением и дополнением обыденных представлений о социальных феноменах, не переняла у народной психологии способность понимать и решать нормативные конфликты. Одним из оправданий неизбежности такой утраты являются слова Ф. Энгельса о «четырёх стенах домашнего обихода», ограничивающих полномочия здравого рассудка. Социальная реальность, находящаяся за этими стенами, отличается сложностью, причиной которой является нормативная разнородность, наличие множества стандартов рациональности, делающее проблематичными универсальные обобщения типа законов, используемых в схемах каузального объяснения. Напрашивается неутешительный вывод: самое большее, что мы можем ожидать от науки – это объяснение тех аспектов социальных действий, которые можно рассчитать с применением категорий цель и средство. Она не может сказать людям, хорошо они или плохо живут, потому что эти оценочные категории не входят в её словарь. Впрочем, люди и без науки в состоянии оценить свою жизнь с точки зрения её качества и соответствия их идеалам. В чем тогда смысл социальной науки, если она не желает (или не может) давать практические рекомендации по улучшению жизни, из-за отсутствия у неё знания о том, какая жизнь для людей является достойной?

Вебер был убежден, что задача социального теоретика состоит в том, чтобы рассказать людям, какие следствия будет иметь предпринятое ими действие, но он не должен давать им советы относительно того, стоит ли это действие осуществлять. То есть, человек остается один на один перед выбором, и за помощью он может обратиться к самому себе, к религии или философии. Наука, таким образом, дистанцируется от философии и других нормативных систем. И попытка создания обобщающей «социальной теории всего», кажется обреченным на провал проектом. Каковым многим представляется создание физической «теории всего». Речь идет, конечно же не о содержательном слиянии социальных наук в некую «мега-науку», а о разработке методологии, позволяющей соединять разнонаправленные исследовательские перспективы, прежде всего описательные и оценочные.

Ситуация тупиковая: социальное знание жизненно необходимо, а возможности его получения расцениваются как сомнительные. Препятствием является укоренившаяся в сознании исследователей и обывателей мысль о том, что наука не может быть источником знаний о должном, а социальное проектирование не имеет смысла без такого знания. Здравый смысл не в состоянии ничем помочь, поскольку он не может преодолеть локальные ограничения и имеет дело с нормативной однородностью. Напрашивается вывод: нужна форма знания, преодолевающая ограничения обыденного и научного познания, касающиеся ценностей.

Речь идет о синтезе обыденного знания, науки и философии, в котором результаты этих познавательных практик сливались бы в бесшовное целое. Нам представляется, что один из вариантов такого синтеза предложил В.П. Макаренко на примере знания о политике. Речь идет о концептологии как форме существования знания о политике, которую автор определяет как «междисциплинарный подход к исследованию, пониманию и моделированию политической реальности в её взаимосвязи со всеми сферами социальной и природной реальности» [Макаренко 2002: 6].

Высказанная более двадцати лет назад идея концептологии была в то время революционной, поскольку предполагала радикальную перестройку политического знания, монополия на которое принадлежала политической науке и политической философии. Политическая реальность, являющаяся объектом познания, обладает свойствами и характеристиками, кото-

рые, по мнению В.П. Макаренко, делают недостаточным применение к ней только научного метода в привычном его понимании. Последний состоит в использовании теоретических обобщений (собственно теории или гипотезы), содержащих в обязательном порядке ссылку на общий закон, к объяснению социально-политических феноменов. Поппер сравнивал научную теорию с сетью, предназначенной улавливать то, что называют «миром», для осознания, объяснения и овладения им [Поппер 1983: 82]. Но такая сеть, какими бы мелкими не были её ячейки, не улавливает то, что делает социальную действительность ценной в бытийном и эпистемологическом смысле, а именно – её неповторимый индивидуальный характер. Это как раз тот случай, о котором Гёте в «Фаусте» выразился устами Мефистофеля: «Суша, мой друг, теория везде, / Но древо жизни пышно зеленеет». Актуальная социально-политическая реальность представляет собой запутанный клубок поведенческих практик, находящихся под влиянием разнообразных ценностей, политических и экономических интересов, религиозных и светских идеологий, стереотипов обыденного сознания. Распутать этот клубок, связать разорванные нити, схватить происходящее в его уникальной неповторимости – для этого требуются методологические ресурсы, которыми не наука и философия не располагают. Основная сложность состояла в том, чтобы объединить в одной теоретической форме описательное, аналитическое и нормативное знание, найти склеивающий их элемент (фактор).

В.П. Макаренко связал возможности такого синтеза с концептами, которые на рубеже столетий активно исследовались и пропагандировались лингвистами как единицы языка, включающие в себя образный, ценностный и логический компоненты, что позволяет увидеть имплантированные в язык культурные смыслы. Слово «концепт», как это бывает всегда с новыми или реанимированными терминами, стали использовать представители различных отраслей гуманитарного и социального знания, чаще всего в качестве замены слову «понятие». Однако, принципиальное отличие концепта как когнитивной единицы состоит в том, что он схватывает предмет во всем многообразии его индивидуальных проявлений, которые образуют его сущность. Индивидуальное является единственным и неповторимым носителем сущности, в нем, как говорил Х. Субири, происходит «стягивание» вида до индивида [Субири 2009: 145].

С.Х. Ляпин приводит пример, иллюстрирующий различие между концептом и понятием. Понятие «государство» в русской ментальности имеет другой смысл, чем понятие «state» в западноевропейских языках. Так, для русского человека «государство» означает прежде всего власть и силу, произвольно господствующие над человеком, тогда как для европейца «state» олицетворяет общественный договор между гражданином и властью, баланс их интересов. Это различие касается фундаментальных отношений между личностью, обществом и государством, и без его понимания невозможно конструктивное взаимоотношение между народами. Ляпин объясняет это различие тем, что за одним и тем же политико-юридическим термином скрываются разные культурно-исторические смыслы, а значит и разные концепты [Ляпин 1997: 13].

Таким образом, концепт, в понимании Ляпина, с которым согласен В.П. Макаренко, это смысловой инвариант, находящийся на онтологическом уровне и определяющий феноменологическую поверхность культуры. Это, по сути, носитель сущности. Поэтому, задача концептологического исследования заключается в том, чтобы отыскать концепт, редуцированной формой которого является актуально существующие социокультурные феномены. Для этого необходимо понять механизм, обеспечивающий актуализацию концепта, выход его на поверхность культуры. В.П. Макаренко связывает его с «конструктивно-генетическим» методом, противопоставляя его «нормативно-элиминационному» методу, которым пользуется естествознание. Конструктивно-генетический метод состоит в «дистраивании» исследуемого феномена до его смысловой целостности, которую задает концепт. Можно предположить, что сам концепт обладает содержательной избыточностью, которая позволяет различные его

феноменологические воплощения, но, в то же время, задает границы возможных вариаций, минимум и максимум, внутри которых концепт сохраняет свою тождественность.

Проблема состоит в том, чтобы найти методологию, которая объясняла бы многомерность и разноплановость культурных феноменов, с сохранением в каждом из них инвариантного основания (универсального целого), избежав при этом эссенциализма. В.П. Макаренко полагает, что при разработке такой методологии следует обратиться к потенциалу аналитической философии, которая, начиная с 1970-х годов, стала активно интересоваться социально-политическими вопросами. В частности, предложенный Дж. Ролзом механизм рефлексивного равновесия, позволяет согласовать между собой разнородное знание по рассматриваемому вопросу, включающее в себя теории, обыденные представления и интуиции. Делается это посредством «челночного» движения мысли, связывающего все эти элементы, добиваясь равновесия между ними, которое отличается неустойчивостью и требует усилий для его поддержания [Ролз 1995: 33].

С.Х. Ляпин предлагает сходный механизм, который он назвал «рекурсивной методологией», определив её как колебательное движение исследовательской мысли «...от интуитивно понимаемой «реальности» (с минимальной степенью методологической нормативности на начальном этапе) к «концептуальности» и обратно, с установкой как на постепенное концептуально-теоретическое проявление содержания того или иного фрагмента реальности (языковой, социальной, природной...), так одновременно и с коррекцией соответствующий концепции» [Ляпин 1997: 23].

Использование подобной методологии обеспечивает, по его мнению, смысловую полноту конструированного феномена посредством привлечения ресурсов, находящихся за пределами первоначального состояния, когда был запущен рекурсивный механизм.

Таким образом, предметом политической концептологии являются концепты, конституирующие политическую реальность, их многообразие, конструктивно-генетические свойства, способы и формы их воплощения в реальной политике. Использование методологических установок аналитической философии помогает максимально прояснить смысл используемых логических средств, очистить их от метафизических и идеологических импликаций, найти возможности синтеза различных дискурсивных практик в интересах получения согласованного знания об объекте исследования. Дополнительную ценность аналитической традиции придает то, что она преодолела эмотивистскую установку в отношении ценностей и сделала их легитимным объектом исследования. Для иллюстрации вклада аналитической философии в исследования проблем политики, В.П. Макаренко привлек труды признанных зарубежных специалистов в области политологии, экономической теории, правоведения, социологии и этики. Большая их часть до этого была незнакома российским читателем, или же известна лишь по названиям.

Концептология, в том виде, как она представлена в работах В.П. Макаренко, решает свои задачи посредством введения концептов как многомерных формообразований мысли, включающих в себя чувственные, логические и ценностные компоненты и обладающих смысловой избыточностью. Последняя означает, что имеется более, чем один, вариант актуализации, и то, какой из них в конечном итоге реализуется, зависит от множества факторов, большая часть из которых является случайным.

Исследование того или иного фрагмента социально-политической реальности заключается в его редукции к соответствующему концепту, восстановление маршрута, которым реализовывался один из смыслов, заложенных в базовом концепте. Иными словами, это проследование генезиса, выявление детерминирующих факторов и точек бифуркации. Только таким путем можно понять, почему из возможных способов и форм смысло-воплощения реализовался именно этот. В ходе реального процесса становления соответствующего феномена происходит его как бы достройка, состоящая в том, что к концепту добавляются элементы, которые требуется для соответствующей, здесь и сейчас актуализации. Поэтому процесс яв-

ляется генетико-конструирующим. Рефлексивное равновесие Ролза и рекурсивный механизм Ляпина позволяют удержать ситуацию в границах нормы, смыслового инварианта, через постоянный мониторинг происходящего и корректировки концепта за счет привлечения дополнительных ресурсов.

Это достраивание концепта до его феноменологической бытийности в качестве единичного и уникального воплощения одного из его смыслов, напоминает процесс индивидуации, с помощью которого Жильбер Симондон описывает становление индивидуальных феноменов, являющихся по его утверждению, единственными полномочными представителями сущности [Simondon 1994: 23]. Понять индивидуальное можно только посредством воспроизведение его генезиса из состояния, которое Симондон называет «до-индивидуальным». Оно характеризуется минимальной достаточностью свойств, отражающих сущность вещи. Индивидуация – это процесс, с помощью которого сущность приобретает актуальную форму и способ существования, используя для этого базовые возможности, а также вырабатывая дополнительные свойства и способности, необходимость которых обусловлено контекстом, в котором происходит эта актуализация.

Мануэль ДеЛанда заимствовал идею индивидуации для подкрепления концепта «ассамбляжа», занимающего центральное место в его «Новой философии общества» [ДеЛанда 2018], где он играет роль, сходную с той, что концепты играют в работах В.П. Макаренко. Ассамбляж у ДеЛанда – это реально существующий объект, единственный законный носитель сущего, который хотя и образуется в ходе истории очень извилистыми, изобилующими случайностями путями, с использованием различных механизмов, но доступен редукции и анализу. И что особенно ценно, концепт ассамбляжа дает ответ не только на вопрос, что собой представляет появившееся в ходе индивидуации целое, но и на другой, не менее важный вопрос: почему результатом индивидуации стал именно этот, а не другой ассамбляж: «Идентичность ассамбляжа должна мыслиться как продукт исторического процесса, в ходе которого происходит объединение его компонентов, а также поддерживается его целостность через регулярные взаимосвязи между частями. Это подразумевает случайность идентичности ассамбляжа и то, что она не гарантируется простым набором свойств, составляющих неизменную сущность. Иными словами, ассамбляжи не являются особенными членами более общей категории, но всегда представляют собой уникальные и сингулярные индивидуации. Даже если два ассамбляжа имеют сходство, так что на первый взгляд их и не различить, то все равно каждый из них будет уникальным из-за различных особенностей их отдельных историй» [DeLanda 2011: 185].

Эпистемологическая ценность концептов состоит, таким образом, в том, что они схватывают объект в его индивидуальной многомерности, с учетом обстоятельств, причастных к его возникновению и функционированию. «Склеивающей» инстанцией может быть общий интерес или идея общего блага.

Если представить политическую реальность как концептосферу, то возникает вопрос о том, как составляющие её концепты связаны друг с другом, образуют единство. Наиболее приемлемым на наш взгляд, объяснением является то, что они имеют общее культурно-историческое основание, один смысловой источник. Поэтому реально существуют только локальные концептосферы, тогда как вопрос о возможности глобальной концептосферы остается открытым для обсуждения.

«Пробой пера» для политической концептологии стали монографии и статьи В.П. Макаренко, в которых проанализированы основные концепты политики, от свободы до толерантности. Одним из примеров является статья «Кавказ как предмет концептологического анализа» [Макаренко 2021: 399–426]. Созданный и редактируемый им журнал «Политическая концептология» стал трибуной для обмена мнениями по теоретическим и прикладным проблемам социально-политического и гуманитарного знания, с участием ведущих российских и зарубежных ученых.

Одним из достоинств политической концептологии является то, что её рамки позволяют рассматривать самые разные темы, потому что в наше время политикой может быть что угодно, – от демонстративного отказа смотреть американские фильмы до участия, в качестве кандидата, в выборах главы государства. Точно так же политическое знание может быть представлено как анекдотом, тонко подмечающим глупости власть предержащих, так и заумной теорией, содержащей объяснение механизма формирования политических элит в пост-современном обществе. Концептология если не снимает, то существенно ослабляет ограничения на язык и стиль, допускает оценочные суждения, смешение научности и публицистичности, использование художественных образов. Тот, кто возьмет на себя труд прочитать работы, вошедшие в состав пятитомного собрания сочинений В.П. Макаренко, согласится с тем, что он в полной мере пользуется указанными выше достоинствами и преимуществами концептологии как формы знания.

Вебер М. 1990. *Избранные произведения*. Перевод с нем. Составление, общая редакция и послесловие Ю.Н. Давыдова. Предисловие П.П. Гайденко. – М.: Прогресс. – 808 с.

Деланда М. 2018. *Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность*. – Гиле Пресс, HylePress. – 170 с.

Ляпин С.Х. 1997. Концептология: к становлению подхода. – *Концепты. Научные труды Центроконцепта*. – Архангельск: Изд-во Поморского госуниверситета. – Вып. I. – С. 11–35.

Макаренко В.П. 2002. *Аналитическая политическая философия. Очерки политической концептологии*. – М.: Праксис. (Серия «Новая наука политики»). – 416 с.

Макаренко В.П. 2004. *Политическая концептология: обзор повестки дня*. – М.: Праксис. (Серия «Новая наука политики»). – 368 с.

Макаренко В.П. 2021. *Собрание сочинений в 5 томах*. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета.

Поппер К. 1983. *Логика и рост научного знания. Избранные работы*. Пер. с англ. Составление, общая редакция и вступительная статья В.Н. Садовского. – М.: Прогресс. – 606 с.

Ролз Дж. 1995. *Теория справедливости*. Пер. с англ. под ред. В.В. Целищева. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета. – 536 с.

Субири Х. 2009. *О сущности / Пер. с испанского Г.В. Вдовиной*. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы. – 456 с.

DeLanda M. 2011. *Philosophy and simulation: the emergence of synthetic reason*. – L.: Continuum. – 233 p.

Simondon G. 1992. *The genesis of the individual*. – *Incorporations*. Ed. by J. Crary, S. Kwin-ter. – New York, Zone. – Pp. 297–319.